

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

ТАМ, ГДЕ КРУТИЛИСЬ ОГРОМНЫЕ ДЕНЬГИ...

Из записок иркутского предпринимателя

От автора

Спустя двадцать с лишним лет после начала самостоятельного плавания в мире бизнеса я, взявшись за перо, смотрю на свои первые шаги в мире лихих денег с позиции умудрённого немалым опытом и обрамлённого сединами весьма зрелого то ли предпринимателя, то ли поэта, то ли социолога, а может быть, с позиции этого странного и нечастого в нашем мире триединства.

В голове крутятся немало вопросов, которые хочется задать своему ушедшему навсегда в наивное советское прошлое сорокалетнему двойнику. И один из главных вопросов: почему этот прошлый “Я” начал бизнес с чистого листа и не попытался использовать свои прочные знания и связи, наработанные за двадцать лет на трёх крупнейших предприятиях области: “Радиозаводе”, “Востсибэлементе” и в объединении “Иркутсктяжмаш”?

Этому, по-видимому, есть несколько объяснений. Основное – это всё же впитанная от предков истинно социалистическая мысль о том, что личный заработок на ресурсах, созданных не тобой, а государством, больше похож на мошенничество и грабёж, нежели на предпринимательство.

Второе обстоятельство в том, что крупные предприятия акционировались несколько позже, чем родилась моя фирма, и левые заработки коммерческих служб если и были, то, как правило, по секрету. Участвовать в таких схемах я не хотел.

Наверное, поэтому я и начал свой бизнес в совершенно незнакомом мне безбрежном море продовольственного рынка страны.

На начальном этапе постсоветской перестройки, где-то до 1993–1995 годов, сохранялась, хотя и довольно быстро слабеющая, эпоха дефицита. Искусство торговли требовало, прежде всего, умения добыть нужный товар...

1. Сахарное дело

Тесно работая с Молдавией по поставкам вина и фруктов, мы с моими коллегами по бизнесу Батразом и Гайдой познакомились и даже сдружились с руководством “Молдконтракта”, дающего разрешение на вывоз продукции. Эта государственная организация имела двойственное подчинение: и республиканскому правительству, и доживающему свой век Госснабу СССР. Её как бы “старшим братом” была московская организация “Росконтракт”, с коей

мы познакомились уже через своих молдавских друзей-приятелей. Представили они нас как надёжных партнёров, умеющих выполнять договорные обязательства, то есть вовремя оплачивать полученную продукцию. Основным дефицитом, тормозящим торговлю в пору гайдаровских реформ, были оборотные средства – финансы. Госпредприятия их быстро теряли благодаря законодательному ограничению наценки на произведённую продукцию двадцатью пятью процентами и безудержной инфляции. Новые же структуры ещё не встали на ноги достаточно прочно. Поэтому все основные поставки шли без предоплаты, и репутация надёжного плательщика в ту безденежную пору была главным капиталом.

Ожидаемых Батразом вина и фруктов, на которых он специализировался, в свободном распределении “Росконтракта”, несмотря на долгие обещания, не оказалось. На местах уже начали проявлять предпринимательскую самостоятельность разные мелкие перекупщики, и большая часть ходовой продукции пошла мимо централизованного распределения, присущего уходящей эпохе.

Но зато “Росконтракт” вскоре предложил новый для нас товар – сахар, причём в огромном количестве – от 20 до 40 вагонов.

Батраз не проявил к сахару особого интереса, так как не знал ни конъюнктуры, ни цен. Огромные опасения, правда, совершенно другого рода, возникли и у меня. Вдруг к моменту прихода наших вагонов в городе будет избыток сахара? На сливочном масле немало предпринимателей по причине дефицита, неожиданно перешедшего в избыток, разорились. Так и сахар могут приобрести по “тепличной” схеме вёрткие ребята из “Иркутской биржи”. Дружба с чиновниками обеспечивала этой так называемой бирже особую “валюту” – попросту, чем американский доллар. Этой “валютой” были весьма дефицитные нефтепродукты, в том числе бензин, производимые на мощнейшем в масштабах России нефтехимическом комбинате города Ангарска. Поскольку государственная цена на нефтепродукты была в разы ниже рыночной, то продавать продукты для области хозяева биржи могли и по заниженным ценам, не забывая, конечно, и про свой, как выяснилось позже, немалый “припёк”. Вино не являлось товаром первой необходимости, и его по этой схеме не завозили. Не заморачивались они особо и на рыбе, не хотели, по-видимому, связываться со скоропортящейся продукцией. Сахар же совершенно другое дело. По идее он, будучи социально значимым в преддверии сезона заготовки ягод, должен быть их товаром. Но с другой стороны, если они и привезут сахар, то ниже устоявшихся рыночных цен продавать его вряд ли будут. Бескорыстие, активно проповедуемое в социалистическую эпоху, с наступлением либеральной свободы моментально испарилось.

После этих быстро промелькнувших мыслей я решил играть почти по максимуму и согласился заключить, как всегда рискованный, договор аж на 35 вагонов; в денежном выражении это была огромная по тем временам сумма, но сейчас она может показаться весьма и весьма скромной – настолько подешевел рубль: если для простоты восприятия её выразить по курсу 2013 года, получится более двух миллионов долларов, а по курсу начала 2014 года – уже менее полутора миллионов. И ведь рубль продолжает катиться вниз, как с ледяной горы, с ускорением, полученным от украинских событий.

Как тут снова не вспомнить “юбилейную” столетнюю давность – переломный рубеж в истории России, с которым целый век сравнивали уровень развития экономики (особенно в советское время) – стабильный 1913 год и трагический 1914-й, когда при вступлении в Первую мировую войну империю подстерегла военная и экономическая катастрофа. Неужели экономическая пропасть подстерегает нас и ровно сто лет спустя?..

В сахарную пору 90-х годов, полную надежд на хорошее будущее и для себя, и для окупнувшегося в рынок всего Советского Союза, подписывая рискованный договор, я рассуждал арифметически просто. Всё же сахар не рыба и не масло, хранится намного проще, если его не подмочат, конечно... Но отчего бы и не рискнуть? И я лечу в Иркутск организовывать предстоящую приёмку и хранение более двух тысяч тонн ранее незнакомого продукта.

В накуренном салоне самолёта начала лихих 90-х, в салоне, больше похожем на дешёвый кабак, дорвавшаяся до свободы публика галдела так, что, казалось, ещё немного, и она пойдёт в последний пляс с битьём иллюминаторов для остроты ощущений. Я был готов к такому шестичасовому “комфарту”. Поэтому надел тихие наушники, из сырой марли сделал подобие воздушного фильтра для дыхания и погрузился в недалёкие воспоминания.

Вспомнилось, что ведь и я легко мог быть в активе биржи, а может быть, даже и её председателем, и в хорошей компании проворачивать самые хит-

рые бартерные сделки. Покупал бы товары, подчас не выходя из кабинета, за нефтепродукты, выделяемые по так называемым областным квотам, а не мотался бы по всему постсоветскому пространству от Камчатки до Таджикистана в поисках товара и не натыкался бы на рогатки, вольно или невольно подстроенные новоявленной биржей.

Вряд ли кто-то из сегодняшних “биржевиков” знает, что у самого истока создания их организации были мы с другим изобретательным производственнымником Вениамином Киршенбаумом.

У него дома на заре перестройки обсуждали мы почти фантастическую для той поры идею создания первой в Иркутске биржи. В Москве кое-какие шевеления в данном направлении уже начались. Был в нашей компании ещё и Борис Драгилев, традиционно отдыхающий летом в Иркутске на старенькой родительской дачке. В ту пору у него ещё не было авторских спектаклей одного актёра, хотя его бардовские песни в собственном исполнении не раз звучали даже по центральным каналам радио и телевидения. Был он и весьма эрудированным кандидатом технических наук, правда, столицу покорял не формулами, а гитарой. Интересно, что, имея хорошую квартиру в центре Москвы и престижную иномарку, в Иркутске он ностальгически хотел оставаться в атмосфере детства. Жил в тесной насыпной дачке с родителями, а позже только с мамой и братом, и при этом ездил на стареньких допотопных папиных “Жигулях” с почти старинными чёрными номерами. Не раз приходилось спасать его заглохшее авто, посылая механиков, а иногда и запасной современный автомобиль на какой-нибудь из оживлённых перекрёстков. Во всём остальном, кроме этой причуды, Борис был очень даже продвинутым москвичом.

После нашей “тайной вечера” по созданию биржи мы решили провести расширенное организационное собрание уже не на кухне у Киршенбаума, а в центре города, в старинном особнячке (угол улиц Киевской и Дзержинского), который в скором времени был отвоёван в собственность биржевого начальства. Борис в ту пору укатил уже домой в Белокаменную, зато на оргкомитет пришло много других новаторов, рвущихся в капитализм. Среди новичков был и безработный Эдуард Розин. За неделю до нашего сбора он приехал в Иркутск, отработав несколько лет в Монголии. Его как самого свободного мы и решили выбрать председателем оргкомитета по рождению биржи. По нашей российской традиции первым делом он напрочь рассорился со своим “библейским земляком” и председателем инициативной группы Киршенбаумом и вскоре стал полномочным хозяином биржи.

Я в ту пору работал заместителем директора по экономике арендного предприятия при Иркутском заводе тяжёлого машиностроения. На собрании мне предложили стать неосвобождённым пока заместителем председателя оргкомитета биржи. Я попросил несколько дней на раздумья и категорически отказался. По здравому рассуждению я пришёл к выводу, что вреда от этой зародившейся в Москве новации для экономики Иркутска, да и России в целом может быть много больше, чем пользы. И когда руководство области поймёт суть этой хитрой структуры, то позора и, не дай Бог, уголовной ответственности не избежать. Рисковать престижем фамилии моего отца и дяди – орденоносных, широко известных руководителей крупных предприятий – я просто не имел права. А того, что путь разрушения экономики вскоре станет официальной столбовой дорогой движения России, я и предположить не мог.

Выбранный нами председатель биржи неожиданно развил бурную деятельность, пригласил заместителем своего брата – молодого в ту пору, но уже крупного руководителя строительной отрасли. За ним потянулись и другие весьма способные молодые руководители, жаждущие новых возможностей самореализации. Некоторые из новоиспечённых биржевиков до этого прошли школу комсомольских вожаков, а потому научились более чутко, чем я, улавливать волю правителей, в одночасье заменивших КПСС. Не отягощены они были и кандидатскими диссертациями по экономике и избыточными знаниями, сигнализирующими, что большинство новаций – дорога в никуда.

Через несколько лет напряжённой работы председатель биржи, он же главный контролёр финансовых потоков, успешно перековался из коммуниста в заправского капиталиста. Вскоре он, очевидно, почувствовал, что его способностям, а особенно деньгам тесно в Иркутске, и укатил на ПМЖ к тёплым берегам защищённой со всех сторон Америки. Правда, большая удалённость от Иркутска и моря-океаны не спасли нашего путешественника. Не все сочли его финансовый взлёт справедливым, и вскоре на “новой родине” ему очень настоятельно предложил поделиться капиталом от непыльного бизнеса

один из иркутских товарищей по работе, правда, с хорошими криминальными связями. Предложение было сделано в весьма представительной компании с участием главы преступного мира – Япончика. Последний, как известно, мелочами не занимался и вполне успешно ряд лет встречал в Америке беглых российских богачей. Сам он выполнял, по-видимому, роль незабвенного Бендера, предлагая беглецам щедро поделиться награбленным в России богатством. В результате “дележа” экс-председатель биржи остался, говорят, еле живой и изрядно похудевший финансово.

На этом злоключения биржи, олицетворяющей первые капиталистические успехи иркутского бомонда, не закончились. Между оставшимися биржевиками, каждый из которых по натуре был лидером, началась нешуточная борьба за соблазнительный финансовый поток и другие наработанные богатства, включая и особняк. Эта нешуточная борьба за раздел “пирога” едва не закончилась братоубийственной стрельбой недавних товарищей...

Такие воспоминания навеяла в самолёте моя рискованная сахарная сделка. По-хорошему, перед заключением контракта следовало, конечно, позвонить и поинтересоваться планами владельцев “нефтехимической валюты”. Но вся их деятельность была окружена, во-первых, завесой тайны, а во-вторых, и они в нашей переходной неразберихе были склонны к экспромтам. Подвернётся сахар – привезут и его.

По прибытии в Иркутск я убедился, что сахар пока в остром дефиците. И уж что вовсе было неожиданно – меня, очевидно, с подачи приятелей, работающих в администрации, среди других солидных руководителей пригласили к заместителю главы областной администрации по сельскому хозяйству и торговле Колодчуку Александру Васильевичу. Он проводил совещание по предзимнему заводу продуктов. Магазины в новых капиталистических условиях никак не приближались тогда по изобилию к западноевропейским стандартам, а скорей, откатывались назад – к Северной Корее. Старое порушили, как всегда, по-кавалерийски быстро, а новое ещё только рождалось.

Первой позицией продуктового дефицита на совещании был назван... сахар! Основным ответчиком по этому вопросу выступил заместитель директора мощнейшей, недавно акционировавшейся организации “Росбакалея”.

Хорошо поставленным голосом социалистического хозяйственника он заявил, что у их базы никаких проблем с сахаром не предвидится: они, как и в прошлые годы, готовы к сезону заготовок и к зиме, а значит, примут и отгрузят по назначению, в том числе и на север Иркутской области и в Якутию, до 150 тысяч тонн сахара. После этого почти торжественного заявления меня кинуло в холодный пот от названных страшных цифр, готовых, как я понял, обрушиться на Иркутск. Победно оглядев собравшихся, докладчик, иркутский представитель “Росбакалеи”, хотел было сесть, но хозяин кабинета задал простой и очевидный вопрос: “Каковы сроки прихода столь необходимого жителям области продукта?”

Нисколько не смутившись, руководитель-капиталист, недавно ушедший вместе с базой в свободное от министерства торговли и местной партийной опеки акционерное плавание и быстро “мастеривший” на “своих” бескрайних складах рынок, ответил, что сахар будет в магазинах немедленно... после того, как он его получит. Но когда получит – ему неизвестно, так как в министерстве торговли идёт полнейшая то ли реорганизация, то ли ликвидация, а никто другой сахар ему пока не отправляет. В Москву по этому вопросу он никогда ранее и, естественно, теперь не выезжал и где добывать сахар – понятия не имеет. “Привезут – переработают!” – бодро заверил выступающий, изрядно повеселив присутствующих.

Все остальные участники заседания, в том числе и “биржевики”, пообещали, что приложат все силы к поиску сахара. Когда дошла, наконец, очередь и до меня, то я к всеобщему удивлению скромно сказал, что ожидаю несколько тысяч тонн сахара... дней через десять. На какое-то мгновение воцарилась полная тишина.

Сразу же после совещания я выяснил, что сахар уже отгружен с Украины, и вагоны “громыхают” на стыках где-то недалеко от Уральских гор. Через четыре дня после совещания сахар был в городе и расхватывался магазинами за немедленную оплату прямо с колёс, да ещё и с хорошей наценкой.

Московские кабинеты умирающего Госснаба ещё несколько раз вознаграждали сахаром наши неустанные мытарства по, увы, также доживающей свой век некогда могучей и обширной империи.

Через год ни “Росконтракта”, ни “Молдконтракта” уже не было, и поставка сахара в Россию, в том числе и с Кубы, и с Украины, и из других стран пе-

решла в руки вёртких иностранных фирм или совместных с иностранцами предприятий. С некоторыми из них мне удалось установить прямые связи. В результате лет семь-десять моя фирма “СибАтом” была крупнейшим поставщиком сахара, муки и круп в родной город.

В эти же годы мы первыми из иркутских предпринимателей начали развивать и свою торговую сеть, купив и взяв в аренду несколько десятков магазинов. Наряду с торговлей продуктами запустили мы и своё хлебное производство, и крупный цех полуфабрикатов, и цех пивоварения, открыли также несколько ресторанов, несколько мебельных магазинов и в Иркутске, и в Ангарске. В конце 1990-х – начале 2000-х годов “СибАтом” стал, пожалуй, самой значительной и известной коммерческой фирмой г. Иркутска на продуктовом фронте.

2. Банановый арбитраж

Впервые о существовании арбитражного суда услышал я совершенно случайно дома, хотя был преуспевающим студентом-машиностроителем. Я на “отлично” сдавал марксистско-ленинские общественные науки, разоблачающие варварство бездушного капитализма, вариант которого в самом чистом виде мы, кажется, самым мистическим образом и накликали на свою многострадальную Родину. Во многих других капиталистических странах в общественном устройстве есть изрядная примесь социализма и, как результат, – **значительно большая, чем у нас, социальная справедливость**. С устройством же родного государства, на просторах которого предстояло жить и работать, в студенческие годы я был, как оказалось, совершенно не знаком.

Судился, причём весьма напряжённо и нервно, в социалистическую пору мой отец – директор мясокомбината и к тому же юрист по образованию. Я видел, как он лично вникал во все детали и редактировал дома тексты подаваемых в суд документов. При наличии на комбинате юридического отдела его непосредственное участие в деле казалось мне странным, как надуманным и очевидным казался и сам предмет спора, в котором отец был, конечно, прав на все сто. Судите сами.

Московский мясокомбинат направил отцу в “порядке взаимовыручки” несколько секций мяса. Но анализ ветеринарной лаборатории показал его, мягко говоря, не первую свежесть, а значит, полное несоответствие техническим условиям и ГОСТам. Хотя что-то не очень качественное из него можно было исхитриться произвести – “по-нашенски на авось”. Но это, как говорится, похмелье на чужом пиру. “Кто испортил, тот пусть и рискует”, – так рассудил отец и отправил вагоны назад в Москву. За время путешествия мясо, по-видимому, испортилось окончательно. Кто из двух директоров виноват в немалых потерях общенародного добра, и явилось, как я понимал, предметом спора. Московский директор оказалась с прекрасными связями в подкармливаемой ею столице, где и рассматривалось дело. Несмотря на всё красноречие и напористость отца, правдами, а больше неправдами дело выиграла оппоненты. Отец оказался “стрелочником”. С учётом большой суммы убытков его тут же приказом министра отстранили от директорства, к тому же он второй раз оказался на волоске от уголовного дела. Таким подавленным из-за потери любимой работы, а значит, из-за разрушения всего образа жизни и жуткой несправедливости я его ещё никогда не видел.

Но горе продолжалось буквально сутки. Первый секретарь обкома партии Н. В. Банников, вникнув в суть дела, приказал отцу продолжать работать, заверив, что отстоит его перед московскими очковтирателями. Суть его разговора с министром, как мы узнали позже, была проста: “Вы сняли – вы срочно и присылайте не менее сильного и заслуженного директора”. Но таких в “кубышке” министерства, естественно, не оказалось. Хорошие директора, как известно, “продукт” штучный. И буквально через три дня приказ министра был отменён, причём выговор для порядка вlepили обоим не поладившим директорам. Из этого случая я сделал вывод об “объективности и неподкупности” московских судей, а также, что “судись – рядись”, а всё на местах решают “партийные князья”, если руководитель в их поле зрения, то есть “номенклатура”.

В наше время нет ни всевластных обкомов КПСС, ни отраслевых министров, хотя чиновного люда стало больше. Поэтому решение арбитражного суда теперь окончательно, с той оговоркой, что дело рассматривает три, а иногда и четыре инстанции, правда, не всегда более объективных, чем при

социализме. Последней инстанцией иногда является Высший арбитражный суд Российской Федерации.

Суть нашего дела была слегка схожа с отцовским. Мы получили целую секцию испорченных бананов, тонн так 120–140. Убыток – около ста тысяч долларов, что весомо всегда, а в начале коммерческого пути особенно.

Естественно, что у меня по аналогии сразу же мелькнула мысль предъявить иск фирме-отправителю фруктов. Но это не мясокombинат, есть ли у неё чем ответить? Внимательно изучаю договор, а юрист, работавший в ту пору на полставки, пытается выяснить информацию по предполагаемому ответчику. Фирма оказалась вполне состоятельной, недвижимость и материальные запасы были. Позже большинство торгующих предприятий начали перекидывать все материальные ресурсы на “боковые” фирмы, чтобы в случае налоговых и других “наездов” можно было вмиг опустевшую фирму бросить или безбоязненно обанкротить. Наиболее нахальные фирмы, не заботящиеся о своей репутации, – их, к счастью, меньшинство, – подобным образом “кидают” всех кредиторов, не расплачиваясь, в том числе, и за поставки продукции.

Но радоваться было нечему. В договоре указывалось, что наша ответственность наступает с момента получения продукции непосредственно у продавца и погрузки её в секции. Маленький юридический “зазор” в этой формулировке, как оказалось, есть. Получение продукции – это одно действие, и происходило оно в их складе. Погрузка – другое, и отстают эти события друг от друга на полтора суток. Складское хранение и погрузка – всё же их задача.

Консультации со специалистами шанс уцепиться за этот повод и выиграть спор сделали почти призрачным. Наши малоквалифицированные приёмщики подписали все документы и рассчитались, окончательно приняв бананы на складе ещё до погрузки в вагоны.

В разговоре с нашими приёмщиками, очень далёкими от товароведения, выяснилось, что бананы в момент погрузки выглядели, мягко говоря, не идеально. Вкус их был, как говорится, на любителя. Что с ними будет через неделю-две, они не задумались и не проконсультировались ни на месте, ни с нами. Да и мы сами усвоили много позже, что бананы нужно грузить недозревшими, а доходить до зрелости они должны при газировании углекислым газом в специальных камерах, причём закладывать фрукты необходимо партиями по мере подготовки к продаже. По такой технологии мы стали работать много позже, когда фрукты перестали продаваться с колёс, а между поставщиками началась битва за вход в магазины и особенно в торговые сети. Если на заре рыночных отношений продукты с трудом “доставали”, а магазины расхватывали их наперегонки, то теперь всё наоборот. Поставщики официально платят миллионы рублей за вход в сетевые супермаркеты, а по вину ещё и в рестораны, затем выплачивают ежеквартальные или годовые бонусы, а нередко (по секрету!) и “взятки” коммерческим директорам и менеджерам. Правда, для закона подношения негосударственному служащему не являются взяткой. И никакой юридической ответственности мздоимец не несёт. Хозяева бизнеса и здесь оказываются без поддержки государства, добывающего предпринимательство непомерной налоговой чехардой.

Получили мои представители мзду за приёмку не доехавших “живьём” бананов или нет – военная тайна. Да и в любом случае возместить они смогли бы только несколько потемневших в пути коробок. Неужели круг полностью замкнулся, и компенсировать огромные убытки никак не удастся?

Оказалось, что не совсем так. Шанс, как всегда, есть. Выяснилось, что ещё одна сторона отвечает за качество доставленного, а главное – и отправляемого груза. Эта мощнейшая и, конечно, платёжеспособная организация – железная дорога. Ура!

Если бы груз везли на холодильных фурах, как делали не раз, такого бы шанса не было. У железнодорожников правила другие, не изменившиеся с недавних социалистических времён.

К счастью, этот путь спасения удалось выяснить буквально за несколько часов после начала разгрузки. Время в данном случае – действительно деньги. На улице жара. Срочно нужно пригласить нейтральный контролирующий орган для разрешения подобных споров – торгово-промышленную палату. Благо, там работал мой хороший знакомый. Вместе с ним уже поздним вечером объезжаем несколько его сотрудниц и уговариваем, чтобы они с приборами вышли в вечернюю смену. Подобная суета с заездами домой, когда на тебя с подозрением смотрят родители, а ещё хуже – мужья молодых особ,

была наказанием ещё на родном радиозаводе, когда я работал и мастером, и начальником цеха. Не привыкать организовывать неурочные смены. Почти к утру солидный акт о некондиционности груза был готов.

Назавтра, не мешкая, срочно отвозим акт в отделение железной дороги. Но вопреки ожиданиям, никто от дороги не прибежал к нам и даже не позволил в течение нескольких дней. Удивительно спокойная реакция их юридической службы. Неужели для железнодорожного монстра сто тысяч долларов не деньги? А может быть, наши действия с торгово-промышленной палатой настолько грамотные, а главное, оперативные, что всё равно не оставили им шансов улизнуть от ответственности? На радостях я выплатил юристу немалую премию и столько же пообещал после возмещения нам убытков. Вскоре подготовили все документы и впервые с момента рождения фирмы отдали их в арбитражный суд. Месяца через полтора-два с предвкушением лёгкой победы идём с юристом на заседание суда. Правда, немало волнуясь, всё же суд, а в коридорах – строгие женщины в чёрных мантиях. И мне, сорокалетнему бойцу коммерческого фронта, вспомнилась почему-то Катюша Маслова на заседании суда присяжных.

Каково же было моё удивление, когда вместо быстрого рассмотрения по существу акта торгово-промышленной палаты и вынесения совершенно очевидного для меня решения началось инициированное противником нудное рассмотрение наших договоров на перевозку с железной дорогой, на закуп – с продавцами бананов, а также наших доверенностей на представление интересов в суде. Оказалось, что названия и координаты фирм из-за нашей небрежности не полностью соответствуют друг другу. По мнению противоположной стороны, покупатель, перевозчик и участники дела – разные организации с похожими названиями, а значит, нет стороны для хозяйственного спора и нашу жалобу следует отклонить по этому формальному признаку.

Но судья, слава Богу, а может быть, благодаря небольшому знакомству с юристом, не приняла безоговорочно это жуткое для нас предложение опытных противников и милостиво дала нам месяц, чтобы подготовить доказательства идентичности фирм.

Время пролетело быстро, идентичность фирм мы доказали. Но после этого на заседании разорвалась следующая “бомба”, совершенно неожиданная для меня и, возможно, для юриста тоже.

Оказывается, что для их единственного, отвечающего за качество доставляемого груза ведомства, по давнему постановлению Совета Министров, подписанному ещё председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным в брежневскую эпоху, акты торгово-промышленной палаты не действительны, если не соблюдено ещё одно условие: мы должны были в течение суток уведомить телеграммой их ведомство и пригласить на разгрузку или хотя бы на освидетельствование испорченного груза. Их исполнители, конечно, узнали сразу же, что груз испорчен. Но “слово к делу не пришьёшь”. Акт мы вручили им под роспись на вторые сутки, опоздав, как выяснилось, часов на шесть. По бледности, вдруг разлившейся на лице юриста, я понял, что мы со своей правдой о действительно некондиционных бананах тоном в водоворот их ведомственных правил. Но по привычке не сдаваться без боя я, не дав опомниться юристу, заявил с места, нарушив, таким образом, регламент, что телеграмму мы отправили немедленно после того, как открыли секцию, а дошла она или нет – вопрос другой. Не особенно поверив моей реплике, так как квитанции в деле не было, и сделал мне замечание, судья, тем не менее, объявила очередной перерыв для выяснения обстоятельств.

Была или нет формальная телеграмма ценой в сто тысяч долларов для фирмы и премиальной месячной зарплаты для юриста, ранее работавшей в городской администрации и неплохо знающей многих руководителей, я так до конца и не узнал.

Судья по словам – была, а по неожиданной бледности – её явно не было. Но, как бы то ни было, через месяц, к следующему заседанию суда квитанция о приёме телеграммы, выданная центральным телеграфом, появилась. Причём впоследствии этот потёртый листик выдержал даже долгу, как всегда, прокурорскую проверку, инициированную железной дорогой. Только после завершения проверки, месяца через четыре, а может, и через пять месяцев суд приступил к рассмотрению дела по существу.

Перед нами судом всё же была поставлена задача доказать, что бананы могли быть испорчены во время следования по вине железной дороги, рассудив, что за первоначальное качество должны отвечать всё же мы сами. Юрист в этом нестандартном, почти техническом вопросе оказалась совершенно бес-

помощной. Я сам искал доказательства того, что в нашей секции, как, собственно, и в большинстве других, не работали предусмотренные правилами автоматические регистраторы температуры, не вёлся положенный в таких случаях бортовой ежедневный журнал записей температуры и влажности. Доказал, что не было также записей в журналах и станционных контролёров температуры по маршруту следования груза. Только после обстоятельного знакомства с этими сугубо организационно-техническими деталями, гарантирующими сохранность груза, и убедившись, что не всё, оказывается, ладно в суперведомстве, судья, месяцев через семь после начала процесса, вынесла решение в нашу пользу. Ещё четыре-пять месяцев ушло на кассационный и апелляционный суды, оставившие решение в силе.

Но оказалось, что решение — это ещё далеко не деньги. Время неумолимо шло, а судебные приставы были совершенно не в состоянии взыскать выигранные нами средства с всемогущего ведомства. Если арестовывался один счёт, их финансисты легко пользовались другими. В кассе к моменту прихода приставов, долго минующих ведомственную охрану, денег тоже, как всегда, не оказывалось.

Особенно изворотлив в вопросе неотдачи выигранных нами средств был первый заместитель начальника дороги. Хотя на этапе обращения в Высший арбитражный суд, когда приставам удалось один раз добраться до их кассы и арестовать небольшую часть долга, мы полюбовно договорились, что по мелочи их не дѐргаем, но если окончательно выиграем процесс, то они обязательно рассчитаются. Крепко пожали друг другу руки, честно и открыто глядя друг другу в глаза.

Но увы: даже и в этом случае выражение “Честь имею!” оказалось чужеродной формулой для высокого и весьма перспективного руководителя. К слову сказать, вскоре он получил немалое повышение в должности.

Только честная позиция начальника ВСЖД, почётного гражданина г. Иркутска Геннадия Павловича Комарова, глубоко уважающего моего отца и других руководителей из семейной династии, позволила получить нам практически через полтора года большую часть выигранных во всех четырёх инстанциях средств. От начисленных судом кредитных процентов мы, по его просьбе, добровольно отказались.

Кстати, выиграть дело в Высшем арбитражном суде на московской земле нам помогло только то обстоятельство, что в кассационной инстанции дело рассматривал лично председатель суда Сергей Михайлович Амосов. Его объективность и высочайший профессионализм были известны всем, в том числе и председателю Высшего суда. Думается, что только по этой счастливой для нас причине “дело” выдержало натиск суперведомства и устояло. Впоследствии Сергей Михайлович заслуженно стал заместителем председателя Высшего арбитражного суда Российской Федерации и из талантливой сказки превратился в замечательного писателя, стал моим товарищем и по литературному цеху, и по жизни. Жаль, что таких чиновников, чудом сохранивших в себе дореволюционную интеллигентность и Честь, практически не осталось. Не стало в 2014-м и самого арбитражного суда как самостоятельной структуры. На мой взгляд, это был последний экзотический островок, где ещё сохранялась в немалой доле непредвзятость и справедливость тонущей экономики России. В новой системе оказался лишним и Сергей Михайлович, ушедший профессорствовать в институт и писать книги.

3. Новый турецкоподданный

Как-то одна из давних моих приятельниц — Надежда, фамилию умолчим — пришла со своим другом в офис. Представила спутника предпринимателем, отец которого — крупный бизнесмен в Турции. “Почти турецкоподданный, прямо как Остап Ибрагимович”, — пошутил я. Выглядел он достаточно респектабельно: одет с иголочки, приобрёл для папы дорогую китайскую собачку в Иркутске, что характеризовало его как достаточно домовитого человека и заботливого сына. Одежда, наличие купленной дорогой собачки, близкое знакомство с приличной иркутянкой — всё располагало к нему. Но что-то и настораживало. Я был занят делами и поручил эту бизнес-тему и взаимоотношения с ним одному из своих помощников — Владимиру, можно сказать, заместителю, который имел большой опыт работы на радиозаводе в должности заместителя директора по коммерческим вопросам, начальника производства, начальника финансового отдела. К тому же у нас работала и его жена Татьяна, также прошедшая немало должностей на госпредприятии. Они

опекали гостя в течение недели: возили на Байкал, ужинали с ним, водили его в театр. Их резюме гласило, что человек он вполне достойный доверия, с ним можно работать, тем более что сделка была очень заманчивая. Он предлагал поставку всевозможной продукции из Турции: фрукты, вино, макароны, в общем, широчайший ассортимент продуктов питания, причём, что особенно подкупило, без предоплаты. Предварительно оплатить нужно было только железнодорожные расходы. Ну, а аппетит без предоплаты всегда немалый. Вот мы и подготовили заявки аж на десять вагонов. Подписали договор. У него была доверенность от папиной турецкой фирмы, печать. Сумма железнодорожного тарифа набралась, конечно, немалая, но гипнотизировало то, что сама продукция оплачивалась с большой отсрочкой, примерно на полгода. При таких заманчивых условиях наличные деньги на тариф нашли быстро. В переводе на сегодняшние деньги это 2,5–3 миллиона рублей – мелочь!

Ударили по рукам. Татьяна с этими немалыми деньгами вылетела в Краснодар, чтобы вместе с новым другом оплатить тариф. Владимир уже потирал руки, что с его участием, а значит, и с премиальными состоится такая крупная сделка.

Вдруг у меня среди ночи звонит телефон. Тогда ещё не было сотовых телефонов и привычки отключать обычный. Телефон звонил круглые сутки, как на передовой. Я беру трубку и слышу плач. Оказалось, звонит Надежда, которая нас познакомила с “полутурком”. Она знала, что Татьяна с деньгами уже вылетела и скоро должна приземлиться в Краснодаре. Дама в панике и ужасе сообщила, что “жених” пропал среди ночи перед встречей самолёта со всеми вещами и с собакой. Жили они в роскошном трёхкомнатном номере, она спала и ничего не слышала. Проснулась случайно, а его нет. Прямо как у Гоголя. Оставалось меньше часа до посадки самолёта, а значит, до грабежа или чего почище, в общем, ситуация экстремальная. Стало совершенно ясно, что турецкоподданный и впрямь оказался Остапом Бендером, недавно сбежавшим из Рио-де-Жанейро. Что делать? Счёт времени шёл на минуты. Недолго думая, я мгновенно одеваюсь и – минут через двадцать пять уже в областном управлении внутренних дел. С дежурным по области полковником мы не были знакомы. Подключить кого-то из знакомых ночью не удалось. Но дежурный принял меня безотлагательно и проникся серьёзностью вопроса. При мне он начал срочно звонить по специальной связи в Краснодар, где должен был приземлиться самолёт. Краснодарский дежурный по УВД тоже оценил опасность ситуации. Я был уверен, что они обязательно спланируют операцию по аресту, судя по всему, проходимца, а может быть, и опасного преступника. Но это, по-видимому, требовало больше времени для подготовки и дополнительных ночных усилий. Выпускать Татьяну в качестве приманки считали опасным. Да и для меня главное было – отвести угрозу от Татьяны и спасти немалые средства. Остаются считанные минуты, а дежурного милиционера по аэропорту, как водится, найти не могут. Хотя вроде бы он и находится где-то на территории, да, видно, дрыхнет где-нибудь в каптёрке. Наконец-то, минут за пять до посадки, он объявляется заспанный, выходит на связь и записывает фамилию, имя, отчество нашего курьера. В минуты опасности я мгновенно вспомнил все данные о рейсе, вплоть до номера и места. Он записал и вскоре доложил, что принял срочные меры к задержанию, но не преступника, а нашей Татьяны в зоне досмотра с тем, чтобы не выпустить её на неохраняемую территорию. Минута в минуту её успевают перехватить, и она остаётся ожидать обратного рейса в зоне, закрытой для посторонних. Через несколько часов она благополучно вылетает в Иркутск. “Прокатавшись” почти сутки, спасённая, уставшая, но счастливая Татьяна попадает в объятия встречающих.

Позже выяснилось, что наша приятельница, чтобы сохранить репутацию, сохранила, что знакома с авантюристом четыре года. На самом деле срок был – одна неделя, но для любви это вечность! Очень дорого для фирмы и, не дай Бог, для здоровья и жизни нашей Тани могли обойтись женские хитрости и недостаточная проницательность двоих вроде бы опытных руководителей, правда, никогда не работавших ни мастерами, ни начальниками цехов, где требуется особая интуиция. У моего помощника и писателя Геннадия Гайды ни одного подобного прокола не было, хотя он десятки раз выезжал “тестировать” партнёров. Выводы из данной ситуации мы сделали самые серьёзные.

С тех пор никогда деньги не возил тот, кого встречали или кто занимался делами и расчётами. Более того, Геннадий или я летели на одном рейсе, а “кассир” в лице доверенного охранника – на другом, он даже селился нередко в соседней гостинице. Нужные суммы денег за продукцию, в том чис-

ле и такую дорожную, как “Волги” Газ-24 или грузовики, которые на определённом этапе мы также поставляли в Иркутск, появлялись, как по волшебству, непосредственно в момент расчётов.

4. Партнёр из ада

Предосторожность с “кассирами” страховала нас от “грабежей”, а возможно, и от более серьёзных неприятностей. Убийств в крутые 90-е было не счесть. Даже в родном городе в своё ресторанное заведение на обед мы нередко ездили с двумя вооружёнными охранниками, с ними же совершали прогулки. Жили, словно в КПЗ, одновременно и как подследственные, и как надсмотрщики. Официальный пистолет был и у меня. Для этого по трудовой книжке я был оформлен заместителем начальника службы безопасности в своей фирме.

Уберегало меня, прежде всего, то, что никогда прибыль я не ценил выше добрых человеческих отношений, не имел несогласованных с кредиторами долгов и сам не давал никому заоблачные займы. В любых спорных вопросах, начиная с заводских должностей и до сегодняшнего дня, находил такую аргументацию, которая давала бы мне неоспоримый перевес хоть по бандитским понятиям, хоть по понятиям совести.

Вот несколько примеров.

Почти двадцать лет длилось весьма серьёзное противостояние по нескольким моим немалым объектам и земле на пограничье с крутыми соседями в Ангарске. Их главный аргумент состоял в том, что я нахожусь в зоне их оптового рынка и нахально пользуюсь огромными потоками привлекаемых ими клиентов. Определённый резон в этой аргументации, безусловно, есть. Но и у меня была своя правда. Мои объекты крайние и выходят на весьма проездные улицы города, их хорошо видно с дороги, а следовательно, покупатели подъезжали бы к ним ещё с большим удовольствием, нежели в рыночной толчее машин. Далее, не я “оседлал” действующий рынок, а наоборот. Все объекты я приобрёл задолго до открытия рынка. И третий аргумент – поток машин на их рынок беспрепятственно въезжает через “мою” землю и по “моему” асфальту, при этом я никогда не мелочился и не просил у них долю денег ни за асфальт, ни за налог на землю, а главное, не пытался взимать немалую плату по договору сервитута. Благо, что мне когда-то удалось правдами и неправдами этот проезд перевести из аренды в собственность.

Несколько раз у нас с ними был даже как бы третейский суд, который протекал, правда, в форме дружелюбно-напряжённого чаепития. Один раз “судьей” был заместитель мэра, а в другой раз – наш общий товарищ, бард Борис Драгилев, проживающий много лет в Москве и не понаслышке знакомый с понятиями “волчьего” мира, а главное – дружный с совестью и честью.

Интересно, что с ним мы познакомились в этой жизни два раза. Причём о первом знакомстве вспомнилось буквально на подсознательном уровне. Как-то, основательно посидев в московском ресторане, мы начали вспоминать детство. Неожиданно у меня в глубинах памяти всплыла картина женщины, держащей за руку мальчика девяти-десяти лет с коротенькой стрижкой и прямым чубчиком. Дословно вспомнились и её слова, обращённые к тренеру по спортивной гимнастике с просьбой принять его в секцию и сделать из него настоящего мужчину.

В секции мальчик Боря долго не задержался, но просьбу матери услышал, видимо, сам Господь, и настоящим мужчиной он стал, причём с гитарой, с поэтическим и актёрским дарованием, с многочисленными знакомствами и даже дружбой, в том числе с легендарным золотодобытчиком Вадимом Тумановым, с друзьями Владимира Высоцкого, да и что уж греха таить, также и со столпами преступного мира – незаурядным Япончиком и другими. Вот только свою личную жизнь он смог основательно устроить лишь в районе 55-ти лет и наконец-то насладиться ни с чем не сравнимым чувством уже зрелого отцовства. Может быть, в этом невольная оплошность его мамы, не попросивший у Господа сыну ещё и личного счастья. Вот оно и запоздало слегка, но зато увековечилось в стихотворении “Счастье”.

*Я мог утонуть, быть зарезан давно,
А мог бы и попросту спиться,
Разбиться я запросто мог на авто,
А мог бы совсем не родиться.*

*Я мог бы уехать в чужую страну
И стать там разносчиком пшты,
А мог бы призваться на чью-то войну
И быть там банально убитым.
Я банк мог ограбить и сгинуть в тюрьме,
И мог бы в болезнях пропасть я.
Но нет, обошлось всё, и выпало мне
Ни с чем не сравнимое счастье.*

*Я, правду сказать, и магнатом мог стать,
Картёжником с фартом железным,
А мог бы, к примеру, роман написать
И слыть человеком полезным.
Я мог в королевской родиться семье,
Быть просто облаканным властью.
Но нет, обошлось всё, и выпало мне
Ни с чем не сравнимое счастье.*

*Меня для него, видно, случай берёг,
Я это теперь только понял,
А, может, взглянул в мою сторону Бог:
Бежит ко мне счастье, бежит со всех ног,
Смеётся — ей годик, звать — Соня.*

Очень добрые отношения связывали Драгилева и с другой стороной земельного конфликта. Так что он, как никто другой, подходил на официальную роль третейского судьи. Внимательно выслушав обе стороны, Борис не поддержал просьбу-требование нежелательной для меня и несвоевременной продажи объектов или ограничения их эксплуатации.

Но если бы всё ограничивалось мирными чаепитиями, то это была бы не Россия. На нашу беду, с рынком у нас общие инженерные коммуникации, на которых почему-то чаще, чем где-либо, случаются аварии, а иногда и возгорания. Хорошо, хоть возгорания были как бы щадящие, точечные, без попыток сжечь содержимое складов и магазинов. Соседская порядочность! Хотя поджог машины одного из помощников чуть-чуть не вышел за пределы небольших убытков. Машина стояла рядом с другими, возле офиса, и если бы огонь перекинулся из салона на бензобак, то от взрыва загорелись бы и соседние машины, а за ними, возможно, и здание. Это был бы уже явный перебор и огромный урон. Но не пойман — не вор!

Защищать своё дело приходилось иногда почти военными методами. Правда, “вооружение” использовалось не огнестрельное, а холодное, и не металлическое, а деревянное. Для того чтобы подключиться к городским коммуникациям, проходящим по нашей, но сопредельной с соседями проездовой неогороженной территории, пришлось сколотить более полусотни щитов и в четыре часа утра, вооружив ими пятьдесят человек, охранять экскаватор, чтобы прокопать траншею на своей земле. Причём все необходимые разрешения от властей были у нас на руках.

Но не тут-то было! В четыре утра, как по военной тревоге, минут за пятнадцать-двадцать со стороны “противника” подоспели также десятки людей. Они прорвали оборонительные щиты и заняли позиции под экскаватором. Один из их “бойцов” на машине помчался на толпу, кто-то не сумел увернуться и получил перелом ноги, раздались истошные крики. “Мерседес”, сопровождаемый ударами десятков рук и ног, выехал из толпы и умчался. Прилетели “скорая помощь”, вневедомственная охрана, экипажи милиции. Причём если скорая сработала, то охрана и милиция взяли на себя роль наблюдателей. Один из милиционеров признался, что нет у них команды остановить беспредел, а есть указание не вмешиваться.

Через несколько часов противостояния милиция, казалось бы, наконец-то сработала и вытащила одного из начальников противоборствующей стороны из-под ковша экскаватора. Мы обрадовались. Но преждевременно. Ангажированные носители погон запретили работать экскаваторщику якобы до выяснения обстоятельств: уточнения границ участка и т. д. В случае начала работ экскаваторщик, как было сказано, будет задержан для выяснения личности.

Милиция фактически помогала блокировать любые работы, чего, в конечном счёте, и добивались наши противники. Продержаться им нужно было несколько дней, а может быть, и недель, пока город закопает основную траншею под водопровод и возобновит автомобильное движение.

После этого снова раскапывать и останавливать движение по дороге к огромному числу арендаторов, возмущение которых легко организуют, нам вряд ли дадут. Поведение милиции объяснялось активнейшим покровительством той стороне главным милиционером области при полном невмешательстве действующего в ту уже далёкую пору губернатора Иркутской области. О том, что крепчайшая дружба была основана не на огромном духовном родстве, говорить излишне.

Официальная позиция милиции была сформулирована как спор хозяйствующих субъектов до решения суда. Благо, один из наших друзей имел “бизнес” с милицейским начальством и разъяснил ему, что это не спор хозяйствующих субъектов, а прямое хулиганство: срыв согласованных с городом работ на нашей земле. Сработало и грамотно составленное мной письмо на имя губернатора и главного милиционера о противозаконности чинимых препятствий. Удалось через приятелей попасть на приём и к заместителю губернатора по работе с силовиками и организовать звонок главному милиционеру. Друзья с телевидения пытались помочь, сняв ночной бой, но показать его не удалось. Слишком большие гонорары были заранее выплачены СМИ с той стороны. Уже давно пресса зарабатывает не только на новостях, но и на отсутствии новостей с компроматом в адрес своих богатых спонсоров. Только общими усилиями, накалив обстановку до красна, нам всё же удалось добиться прекращения хулиганства и подключить воду, а через год-полтора и дополнительную электроэнергию, купив проложенный другой организацией резервный кабель. Через суд удалось получить и некую компенсацию за отключение “добрыми соседями” нас от электроэнергии.

Таких историй, вплоть до убийств основателей фирмы, в 90-е годы было немало. Раскрывались они крайне редко, хотя все вокруг, да и сама милиция в первую очередь, доподлинно знали заказчиков похоронной музыки.

Один знакомый “предприниматель” как-то, подвыпив, жаловался моему другу, что убитый (наверняка по его заказу) нефтяной партнёр почти каждую ночь с упрёками и обещаниями ада являлся ему во сне. Сон стал мукой. Не помогали и наркотики, к коим он успел пристраститься.

В 90-х годах было в городе немало случаев “бандитского вхождения” в чужой бизнес. Некоторые бандиты и крупные по нашим меркам предприниматели ездили в бронированных джипах с несколькими машинами сопровождения и целыми взводами охраны. Немало среди их охранников, и особенно среди начальников служб безопасности, было бывших силовиков. У некоторых нечастые выезды из офиса в обязательном порядке сопровождался серьёзным обследованием объектов прибытия, как это делается у высших должностных лиц государства. В больнице, куда этот контингент попадал с ранениями, моментально выставлялась вооружённая охрана, а на окна операционной и отдельной палаты вешались даже железные жалюзи.

Многие кровавые истории в городе знали все. Но увы! Главная черта “героев нашего времени” — полнейшая беспринципность и руководство лозунгом “моя хата с краю”. Выражение офицеров “честь имею” жило совсем в другой России.